Вид на каннский пляж «сквозь» пальмовую ветвь.
Фото Владимира Захарина

ЛЕНИН В ИЗГНАНИИ

(Окончание. Начало на стр. 1)

Екатерина Барабаш

В ЭТОМ году в кулуарах Каннского фестиваля не было слышно высоколобых споров, не видно борьбы амбиций за право дать наиболее точный прогноз. После просмотров журналисты и прочие наблюдатели лениво перекидывались репликами, суть которых в основном сводилась к охватившей всех тоске по безнадежно покинувшему берега французской Ривьеры хорошему кино. Толпы маньяков, заполонивших экран, моря крови и тонны однополой любви, уродливые отношения уродливых людей... Уже фестиваль подкатывал к концу, а унылая тоска все крепче хватала за горло — неужели так и разъедемся, не узнав, что кроме качественной американской анимации и симпатичного, но простенького фильма Жака Риветта «Как знать!» есть еще кино, способное заполучить «Золотую пальмовую ветвь» не на безрыбье, а просто потому что действительно лучшее?

Присуждение золота итальянскому режиссеру **Нанни Моретти** за картину **«Комната сына»** ни удивления, ни большого удовлетворения, ни — наоборот — раздражения ни у кого не вызвало. Первый же пресс-просмотр моментально вывел Моретти в фавориты нынешнего фестиваля. Фаворитом он оставался до конца, хотя, думается, показанный на следующий день фильм японца Сехея Имамуры «Теплая вода под красным мостом» сделан гораздо изящнее, по-восточному мудро и ярко.

Моретти на сегодняшний день — самый удачливый итальянский режиссер, учитывая дружный уход итальянского кино с мировой сцены. Два года назад он привозил на Каннский конкурс ленту «Апрель» — фильм-размышление, переживания героя в связи с рождением сына. В этом году сюжетная ситуация, можно сказать, обратная. В счастливой дружной семье — отец-психоаналитик (его играет сам Моретти), мать, дочь и сын — неожиданно гибнет сын, 17-летний Андреа. Собственно, весь фильм посвящен дальнейшим переживаниям семьи, смирению с горем, постепенному возрождению к жизни. Смерть сына — сюжетный толчок. Самого сюжета, по сути, нет, и с точки зрения драматургической ни на какие откровения картина не претендует. Впрочем, она вообще не претендует на откровения — интонация, настроение, постепенный переход из света в тень, из тени в свет — все это выполнено грамотно и нежно, как того заслуживает тема. Перед Моретти хочется сделать книксен, сказать короткий, хоть и искренний, комплимент и забыть о «Комнате сына» до момента, когда опять всплывет на горизонте имя Нанни Моретти.

Наш, российский завсегдатай Каннского фестиваля последних лет Александр Сокуров со своим «Тельцом» оказался — увы — аутсайдером. Критика отнеслась к его Ленину довольно вяло, до конца фестиваля оставив его по всем рейтингам примерно на третьем от конца месте. Более дружески настроенная критика отметила блестящую игру Леонида Мозгового (Ленин) и Марии Кузнецовой (Крупская), ни слова не сказав о великолепном художественно-техническом решении. Картины Сокурова не зря напоминают зашевелившуюся живопись — для каждого фильма покупается уникальная техника, которую не используют даже на Западе. Но жюри больше понравилось техническое оформление тайваньской картины **Цай Минь Ляня «А там сейчас который час?»**. Очевидно, не только простых зрителей «перепахала» незабываемая сцена совокупления с прахом мужа, выполненная действительно технически безупречно.

Кроме технического приза, азиатское кино в этом году уехало ни с чем (в отличие от прошлого года, когда Китай, Гонконг и Тайвань подмяли под себя европейцев и американцев). Нынче же решили опять вспомнить родное, европейское и довольно неожиданно обрушили три престижных приза на **«Пианистку»** австрийца **Михаэля Ханеке**, снимающего во Франции, — Гран-при Каннского фестиваля и призы за лучшую мужскую и женскую роли — **Бенуа Мажимелю** и **Изабель Юппер** соответственно. Фильмы с участием Изабель Юппер приезжали в Канны, ни много ни мало, пятнадцать раз, один раз Юппер была уже признана здесь лучшей актрисой — в 1978 году, за роль в картине Клода Шаброля «Виолетта Нозьер» (вообще все лучшие роли актрисы и все ее награды, как международные, так и французские, связаны с именем Шаброля). Молодой же Бенуа Мажимель, накануне каннской премьеры отметивший 26-летие, но снявшийся уже более чем в 20 фильмах, на Лазурный Берег прибыл впервые. Если Юппер действительно объективно интересна (хотя по сравнению с предыдущими ролями трудно найти в ее игре что-то новое), то Мажимель пока лишь симпатичный, возможно, подающий надежды юноша, и не более того. На фоне Мишеля Пикколи или Леонида Мозгового выбор жюри кажется то ли ошибкой, то ли досадной случайностью. Хотя никакой, конечно, случайности тут нет — в этом году, очевидно, надо было поддержать хиреющих на глазах европейцев, чье кино за редким исключением и тематически, и художественно обреченно топчется на одном месте уже не первый год. Но картина «Пианистка» — удачное подтверждение тому, что измусоленные на экране дамские комплексы долго еще будут находить поклонников не только среди психоаналитиков.

Если сонное царство нынешнего Каннского фестиваля стало хорошим фоном для картины **Джоэла Коэна «Человек, которого там не было»** — отнюдь не лучшей работы братьев Коэнов, принесшей им тем не менее приз за лучшую режиссуру, то уж **Дэвида Линча** в этом году, казалось, не спасет ничто. «Сумбур вместо музыки» его **«Дороги на Малхолланд»** вызвал такое злорадство критики, что оставалось недоумевать — ну а им-то чем Линч дорогу перебежал? Смачно потирая руки, журналисты тут же припомнили Линчу историю появления «Малхолланда» на большом экране — фильм снимался как сериал для ABC, однако, увидев всю эту путаницу, телевидение принялось приводить фильм в божеский вид. Такого изуверства режиссер не выдержал, ленту у телевидения отнял и сделал из нее 2,5-часовой фильм для большого экрана, немедленно попавший в Канны. Короче, швырнул Европе то, что не взяли в Америке. Впрочем, как лента попала на фестиваль, не так уж интересно. Интересно другое — как можно было дать столь престижную награду режиссеру, сделавшему фильм, в котором никто ничего не понял. Смеем предположить, что в жюри сидят люди с такой же головой, как у всех (голова Линча не в счет), а среднестатистическая голова не в состоянии переварить кашу имени Дэвида Линча.

Короче, в этом году всем досталось по чуть-чуть. Отметили даже фильм боснийца **Даниса Тановича «Ничья земля»**, дав ему приз за лучший сценарий.

Конечно, по фестивалю, пусть даже самому крупному, нельзя судить о состоянии кинематографа в целом. Скорее можно говорить о пристрастиях тех, в чьих руках «Золотые пальмы», «Золотые медведи», «Хрустальные шары» и прочее. В этом году Каннский фестиваль решил слегка остудить пыл азиатов, довольно решительно показав, что как ни дорог нам Имамура, но Западную Европу с Америкой на произвол судьбы бросать никто не собирается.

Одним словом, первый в третьем тысячелетии самый престижный кинофестиваль прошел на редкость серо и, если позволительно так выразиться о Каннах, убого. Даже толпа, колыхавшаяся на улицах города, выглядела не так празднично, как всегда. Непонятно, куда делись уличные клоуны, раньше пугавшие на каждом шагу, исчезли веселые шествия и феерические представления на берегу. В XXI век Канны вошли серьезно и строго, как на похороны.

Кстати, о похоронах. Вот уж что точно кануло в Лету, так это российское кино. Такового для Запада попросту не существует. Здесь не знают русских режиссеров (только самые образованные слышали о Никите Михалкове), не знают русских актеров. Те, кто ездят на Каннский фестиваль, имеют представление о Сокурове. Но никакого интереса к нему не проявляют — зал на пресс-конференции съемочной группы был до слез пуст, о «Тельце» удосужилась отозваться только специальная ежедневная пресса, отслеживающая все без исключения события фестиваля. Газеты покрупнее равнодушно промолчали. Да, надо было суетиться лет десять— двенадцать назад, когда весь мир вибрировал от интереса к России. Тогда опоздали. Правда, сейчас Михаил Швыдкой провел переговоры с директором фестиваля Жилем Жакобом о том, чтобы ежегодно привозить в Канны пять российских молодых режиссеров. Те, кому сейчас за сорок, для Запада — потерянное поколение. ■

Канны

Независимая газета. — 2001. — 22 мая. — с. 1, 7

22.05.2001.

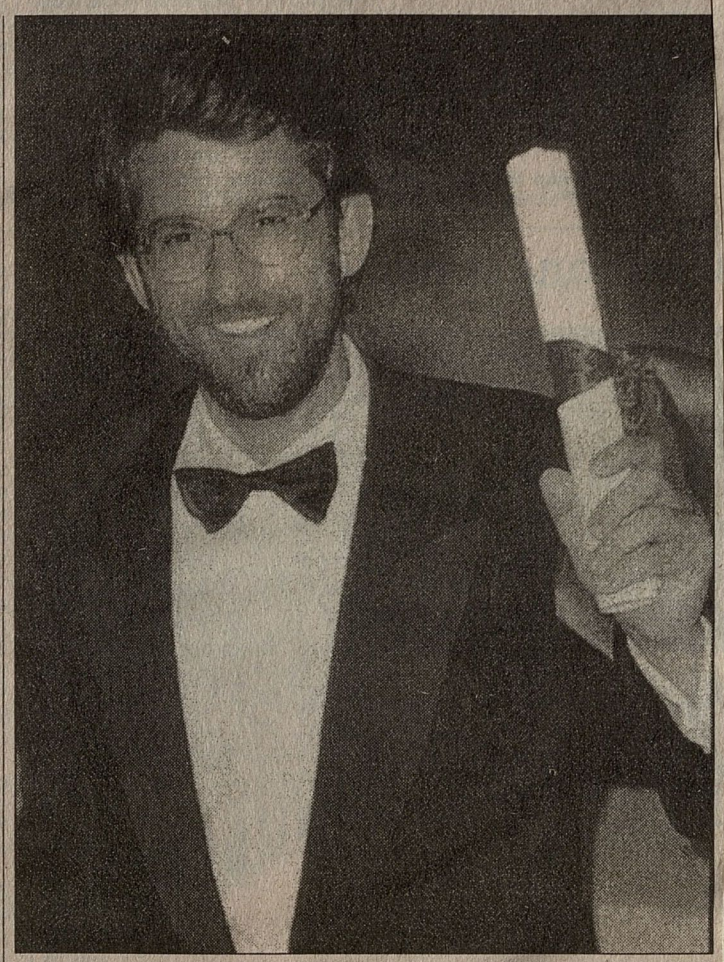
Моретти Нанни

«ПРОСТОЕ» КИНО

Обладатель «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля итальянец Нанни Моретти давно мечтал сыграть психоаналитика

В воскресенье завершился 53-й Каннский кинофестиваль. За несколько часов до торжественной церемонии вручения наград тогда еще будущий лауреат «Золотой пальмовой ветви» итальянский кинорежиссер Нанни Моретти дал эксклюзивное интервью корреспонденту «НГ».

Екатерина Барабаш



Нанни Моретти пока без «Ветви» в руках.

— СИНЬОР МОРЕТТИ, почему для своего героя вы выбрали профессию психоаналитика?

— Во-первых, я давно мечтал сыграть именно психоаналитика. Во-вторых, это подходящая профессия для фильма в том плане, что именно человек, ежедневно имеющий дело с чужим горем, вдруг оказывается совершенно беспомощным перед своим собственным. Мне кажется, это интересный объект для наблюдения.

— Вам удалось сделать очень нежный фильм о жестокости жизни. Нежность и мягкость — эти интонации были заложены в картину с самого начала?

— Наверное, да. Дело в том, что впервые мне довелось снимать фильм по сюжету, который бы так глубоко меня тронул. Итальянцы — народ эмоциональный, и мы часто привносим в искусство то, что на самом деле творится в душе. Да и вообще — мне бы не хотелось, чтобы у зрителя осталось тяжкое ощущение после картины. Не забывайте к тому же, что фильм не только о смерти, но и о жизни не в меньшей степени.

— Ваш фильм очень прост — как с драматургической, сюжетной, стороны, так и по заложенной в нем основной мысли: как бы ни было плохо, мы обязаны жить...

— Вы сказали «простой фильм»? Что значит «простой»? Хотя в общем, конечно, ничего сверхсложного в нем нет. Но иногда достичь простоты куда сложней, чем создать самую запутанную историю. То есть я хочу сказать, что простота иногда очень сложна. И не надо, кстати, путать простоту со спонтанностью, с импровизацией, с банальностью, наконец. Это разные вещи.

— Как вы думаете, изменится ли что-нибудь для итальянского кино с приходом Берлускони?

— Хоть я и кинематографист, но уверен, что состояние итальянского кино не так важно, как состояние итальянского общества. А что касается культуры, и кино в частности, то, как мне кажется, в последние годы дела здесь все хуже и хуже. Грустно и смешно, но когда семь лет назад я приезжал в Канны с фильмом «Интимный дневник», в Италии к власти только что пришел Берлускони. В этом году история повторяется.

(Окончание темы на стр. 7)